

А. А. Неменов
Государственный академический
университет гуманитарных
наук, Москва

ЕГИПЕТ ПОСЛЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ОККУПАЦИИ ГЛАЗАМИ АНГЛИЧАН

Автор статьи рассматривает процесс взаимодействия английских участников военной кампании 1801 г. по освобождению Египта от французской оккупации с их противниками-французами и союзниками – турками и египтянами. Источниками для исследования стали тексты личного происхождения: дневники и мемуары английских солдат, офицеров и военных советников. Впервые в истории Великобритании Египет посетили не отдельные английские путешественники, а много-тысячная армия. Англичане весьма подробно зафиксировали свои впечатления о ходе военной кампании и о египетском обществе, о турецкой армии и последствиях французской оккупации. Много внимания английские очевидцы освобождения Египта уделили представлениям местных жителей об оккупировавших их страну французах и об изгнавших тех англичанах. Волей случая англичанам пришлось сражаться против своего давнего европейского противника рука об руку с весьма неожиданным временным союзником – мусульманскими подданными османского султана. Англичанам французы были хорошо известны и понятны, чего нельзя сказать о турках и арабах. Отчаянно сражаясь на поле боя с французской армией, англичане не испытывали никакой личной ненависти к солдатам и офицерам противника. Союзники же – турки и арабы, напротив, представлялись им существами чрезвычайно опасными – жестокими, корыстными, лицемерными. В результате, извечный и привычный враг-европеец оказался для англичан гораздо ближе и по-человечески понятнее, чем временные союзники с Востока, совершенно отличные по своему поведению, порядкам и внешнему виду. В данном отношении англичане мало чем отличались от тех же французов, видевших в людях Востока лишь «нецивилизованных дикарей», которых следует, пусть и с опаской, но сугубо инструментально использовать для осуществления своих целей и амбиций.

Ключевые слова: Египет, Франция, Великобритания, Наполеон Бонапарт, Египетский поход 1798-1801, имагология, военно-историческая антропология

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00011 (<https://rscf.ru/project/23-18-00011/>).

Цитирование: *Неменов А. А.* Египет после французской оккупации глазами англичан. <https://doi.org/10.32608/0235-4349-2023-1-56-158-169> // Французский ежегодник. 2023. Т. 56. С. 158-169.

Поступила в редакцию: 01.06.2023

Принята к печати: 14.07.2023

Andrei A. Nemenov

State Academic University

for the Humanities

Moscow

EGYPT AFTER THE FRENCH OCCUPATION THROUGH THE EYES OF THE ENGLISH

The author of the article examines the relations of the British participants in the military campaign of 1801 to liberate Egypt from the French occupation with their opponents – the French and their allies – the Turks and Egyptians. The sources for the study were texts of personal origin: diaries and memoirs of British soldiers, officers, and military advisers. For the first time in the history of Great Britain, Egypt was visited not by individual English travelers, but by an army of many thousands. The British recorded in detail their impressions about the course of the military campaign and about Egyptian society, about the Turkish army and the consequences of the French occupation. The British eyewitnesses of the liberation of Egypt paid a lot of attention to the ideas of residents about the French who occupied their country and about the British who expelled those. By chance, the British had to fight against their long-standing European opponent hand in hand with a very unexpected temporary ally – the Muslim subjects of the Ottoman sultan. The French were well known and understood by the British, that cannot be said about the Turks and Arabs. Desperately fighting on the battlefield with the French army, the British did not feel any personal hatred for the soldiers and officers of the enemy. The allies, the Turks and Arabs, on the contrary, seemed to them extremely dangerous creatures – cruel, selfish, hypocritical. As a result, the eternal and habitual European enemy turned out to be much

closer and more humanly understandable for the British than temporary allies from the East, completely different in their behavior, order, and appearance. In this respect, the British were not much different from the same Frenchmen, who saw in the people of the Orient only “uncivilized savages” who should be used, albeit cautiously, but purely instrumentally to realize the Europeans’ goals and ambitions.

Keywords: Egypt, France, Great Britain, Napoleon Bonaparte, the Egyptian Campaign of 1798–1801, image studies, military-historical anthropology

Acknowledgements: The study is sponsored by the Russian Science Foundation, grant № 23–18–00011 (<https://rscf.ru/project/23-18-00011/>).

Citation: Nemenov, A., (2023). Egipet posle frantsuzskoi okkupatsii glazami anglichan [Egypt after the French occupation through the eyes of the English]. <https://doi.org/10.32608/0235-4349-2023-1-56-158-169>. *Annual of French Studies*, 2023, vol. 56, p. 158-169.

В марте 1801 г. английская армия высадилась на побережье оккупированного французами Египта. Разбив французов в ряде сражений, англичане блокировали в Александрии часть сил неприятеля во главе с командующим Восточной армией генералом А. Ж. Мену. В мае основные силы англичан вместе с вторгшейся в Египет из Сирии турецкой армией двинулись к Каиру. Одновременно в Эль-Косейре, порту на Красном море, высадились английские войска из Индии. 27 мая французский гарнизон в Каире капитулировал на почетных условиях и в августе был отправлен на родину на английских и турецких кораблях. Осада Александрии продолжалась до конца лета. И только 30 августа 1801 г. Мену подписал капитуляцию, по условиям которой англичане и турки доставили остатки Восточной армии во Францию¹.

Заключительный отрезок французской оккупации Египта – уникальный период тесного взаимодействия представителей разных народов – англичан, французов, турок, египтян. Война всегда создаёт яркие и запоминающиеся образы, сохраняющиеся в истории благодаря воспоминаниям очевидцев. И один из ключевых образов военного времени – образ «Другого», врага ли, союзника ли, но в любом случае отличного от «Своих» и даже представляющего собой их антипод. Изучение опыта пребывания англичан в Египте сразу по окончании французской оккупации и установив-

¹ Подробнее см.: *Tchoudinov A. The Egyptian Campaign and the Middle East // The Cambridge History of the Napoleonic Wars. Cambridge, 2023. Vol. 2. P. 607–626.*

шегося в тот момент диалога культур позволяют нам на конкретном примере проанализировать механизмы формирования образа «Другого», а также особенности межцивилизационных контактов между мусульманским Востоком и либеральным Западом на заре их будущего тесного взаимодействия.

Данное исследование построено на английских источниках личного происхождения: дневниках и мемуарах военных и гражданских лиц, оказавшихся в Египте в 1799–1801 гг. Это мемуары британского дипломата Дж. П. Морье, прибывшего в Египет с армией Великого визиря; дневники капитана 93-го пехотного полка Т. Уолша, участника военной экспедиции; солдата 92-го шотландского стрелкового полка Д. Никола; артиллерийского офицера Р. Реншоу, участника высадки в Эль-Косейре; генерала Дж. Мура, командовавшего бригадой английской армии в Египте; воспоминания профессора Э. Д. Кларка, консультировавшего командование английской армии при идентификации и оценке древних артефактов, захваченных в Египте; записки проживавшего в Египте миссионера Дж. Антеса². Содержащуюся в этих источниках информацию авторы текстов черпали из своего личного опыта очевидцев и участников описываемых событий, из разговоров с местными жителями, чьи рассказы нередко изобилуют преувеличениями с целью привлечь внимание заморских гостей, из передаваемых сослуживцами слухов, из перехваченных писем французских военных, ранее переведенных и изданных для английской публики.

* * *

Представления англичан о французских военнослужащих, сложившиеся за время военных действий и в последующие несколько недель после капитуляции Восточной армии, достаточно противоречивы.

Французский главнокомандующий, генерал Мену, виделся английским очевидцам его последней кампании напыщенным, упрямым и недалёковидным командиром, больше увлечённым произнесением пламенных речей перед солдатами, чем реальным

² *Morier J. P. Memoir of a campaign with the Ottoman army in Egypt from February to July 1800. L., 1801; Walsh T. Journal of the Late Campaign in Egypt. L., 1803; Nickol D. With Abercromby and Moore in Egypt. L., 1911; Renshaw R. Voyage to the Cape of Good Hope, The Indian Ocean, and up the Red Sea, with travels into Egypt. Manchester, 1821; The Diary of Sir John Moore. L., 1904 Vol. 2; Clarke E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. L., 1812-1816. Vol. 2; Antes J. Observations on the manners and customs of the Egyptians, the overflowing the Nile and its effects; with remarks on the plague and other subjects. L., 1800.*

командованием³. Именно на него англичане и возлагали основной груз ответственности за окончательное поражение Восточной армии. Профессор Кларк называл его финансовую политику весьма неразумной, поскольку она лишь еще больше отдалила местных жителей от французов: «Ни Бонапарт, ни Клебер не причиняли жителям Каира такого беспокойства поборами, как Мелу, который в последние дни своего тиранического правления не упускал ни одной возможности отнять у жителей их собственность»⁴. Кларк упоминает о недовольстве и самих французов своим предводителем⁵. Описывая свой визит в Александрию незадолго до окончания осады и сдачи города, он отмечал, что французские солдаты ненавидят и призирают Мелу за то, что из-за его упрямства не могут покинуть Египет и вынуждены голодать, убивая даже собственных лошадей, чтобы прокормиться⁶.

При этом о французских солдатах и офицерах английские военные отзываются с уважением, считая их достойными противниками⁷. Один из ярких примеров такого отношения к неприятелю – впечатление артиллериста Реншоу при взгляде на поле боя, усеянного ранеными солдатами обеих наций: «Те, кто никогда не видел подобного зрелища, не должны думать, что речь идет лишь о стогах и причитаниях умирающих; нет, речь о мужестве, с которым переносятся эти мучительные и ужасные страдания, о силе духа, преодолевающей жестокость телесной боли; о душевной стойкости солдата в эти последние мгновения – о том, что пробуждает человеческие чувства, заставляя угаснуть ярость вражды»⁸.

Непосредственно перед сдачей французов в плен англичане фиксировали следующие картины: «Несколько отставших солдат французской армии днем вышли на нейтральную территорию между двумя армиями и там предлагали свои египетские сабли и другие предметы на продажу англичанам. То тут, то там, даже в британском лагере, можно было увидеть французского офицера за дружеской беседой с нашими военными, поднимающего тосты за здоровье короля Георга, за успешную капитуляцию и скорейшее избавление от правления Мелу. На этих встречах ца-

³ Clarke E. D. Op. cit. Vol. 2. Pt. 1. P. 281.

⁴ Ibid. P. 83.

⁵ Ibid. P. 242.

⁶ Ibid. P. 243.

⁷ The Diary of Sir John Moore. P. 55.

⁸ Renshaw R. Op. cit. P. 164-165.

рили предельная гармония и добродушие, и со стороны французских солдат было очевидно искреннее желание покинуть страну. Каждый из них, казалось, считал себя равным даже генералам своей собственной армии»⁹.

После капитуляции Восточной армии и прекращения военных действий негативное восприятие неприятеля англичанами сменилось сочувствием и даже поиском родственных черт между английскими и французскими солдатами. Описывая переговоры о капитуляции, Морье отмечает сохранившиеся у французов гордость и боевой дух¹⁰. При этом в 1801 г. французские солдаты, полагает генерал Мур, восприняли свое поражение значительно спокойнее, чем это было в 1799 г. при отступлении из-под Акры Восточной армии во главе с Бонапартом. Тогда для них это был несмыаемый позор: некоторые солдаты даже совершали самоубийство, а вся армия была близка к мятежу¹¹. Теперь же, полагал Мур, большинство из них даже радо капитуляции, поскольку их воля к сопротивлению сломлена героическими победами британских генералов Аберкромби и Хатчинсона¹². Вместе с тем англичане в полной мере разделяли разочарование французов Египтом в целом и сами описывали его как убогую землю воров и убийц, тонущую в грязи¹³.

Организованный в Дельте лагерь, где французам предстояло жить до отправки на родину, представлял собой место, куда для проведения совместного досуга охотно заходили английские солдаты и офицеры и где нередко бывали местные девушки определенного поведения. Французские солдаты играли на музыкальных инструментах, занимались фехтованием и ежевечерне давали комедийные представления¹⁴. Кларк восторженно писал об этом: «Ещё ничто и никогда не могло сравниться с весёлостью и добродушием этих французов. Всякая враждебность была отброшена в сторону; пение, танцы и демонстрации актерского искусства стали обычным делом; даже раненые, когда могли подняться, разделяли ту радость, которая воодушевляла их товарищей при мысли о возвращении во Францию»¹⁵. Более того, пленные французы по

⁹ Clarke E. D. Op. cit. Vol. 2. Pt. 2. P. 275.

¹⁰ Morier J. P. Op. cit. P. 75.

¹¹ The Diary of Sir John Moore. P. 59.

¹² Ibid. P. 37.

¹³ Nickol D. Op. cit. P. 45, 50; Renshaw R. Op. cit. P. 173; The Diary of Sir John Moore. P. 38.

¹⁴ Clarke E. D. Op. cit. P. 17.

¹⁵ Ibid. P. 18.

собственной воле иногда играли для офицеров «Боже, храни короля», распевая этот гимн на ломаном английском языке. Другими словами, взаимная вражда осталась в прошлом.

В скором времени был подготовлен англо-турецкий транспортный флот, который должен был доставить французов в Марсель. Французы поднимались на корабли с большим энтузиазмом. Кларк описывал это так: «Сцена, разыгравшаяся на борту “Браакеля” по прибытии французских пленных¹⁶, не поддается никакому описанию. Ни один бродячий актер никогда не носил столь нелепых одежд или столь удачной пародии на военную форму». Солдаты напоминали толпу ряженых шутов: в лохмотьях, со свисающими с голов конскими хвостами и т. д. Практически каждый из них считал своим долгом расположить к себе команду корабля, выкрикнув какое-нибудь английское ругательство. Среди поднимавшихся на борт солдат можно было разглядеть и одетых в униформу девушек, уезжавших во Францию вместе с армией¹⁷.

Кларк тоже уехал в Европу с теми французами, которые отправились на о. Корфу. В их числе были и члены французского Института Египта. С ними он общался по пути, отметив их стремление к поиску взаимопонимания ради сохранения найденных в Египте артефактов и добытых там научных знаний¹⁸. Во время плавания, по наблюдению Кларка, французы не теряли бодрого настроения: один из них исполнял подобие роли корабельного шута, поддерживая дух товарищей забавными выходками и смешными пародиями. Другие солдаты, чтобы занять себя, помогали членам команды нести службу, которую турецкие моряки исполняли порою спустя рукава¹⁹.

* * *

Относясь к французам не без симпатии, англичане тем не менее признавали, что за три года, проведенных в Египте, военнослужащие Восточной армии смогли настроить против себя большинство местных жителей. Англичане были убеждены в тираническом характере французского управления Египтом и считали местное население несчастной жертвой военной авантюры Бонапарта. Миссионер Антес писал об этом так: «Французы, вторгнувшись в

¹⁶ Кларк использует термин «пленные», хотя в соответствии с соглашением о капитуляции французы отправлялись в Марсель в статусе действующих военнослужащих Восточной армии.

¹⁷ Clarke E. D. Op. cit. P. 15.

¹⁸ Ibid. P. 275.

¹⁹ Ibid. P. 309.

Египет, могли бы сыграть важную роль в установлении и укреплении новых идей, если бы они не начали своё вторжение в Александрию с ужасных жестокостей, убивая несчастных жителей сразу после вхождения в город. Что бы они в дальнейшем ни публиковали в своих манифестах, это уже никогда бы не убедило подозрительных турок и арабов в их искренности»²⁰.

О массовых убийствах египтян французами в Александрии упоминает и Реншоу: «<...> В итоге были перебиты мужчины, женщины и грудные дети, поскольку французы считали необходимым навести ужас на немногих оставшихся в живых. Они [египтяне] были шокированы, находя тела с перерезанным горлом. В течение нескольких часов их друзей, жён, родственников и детей убивали без всякой на то причины. Выжившим оставалось лишь удивляться тому, что им удалось избежать участи жертв орды убийц Бонапарта!»²¹. Дело дошло до организации планомерной политики террора со взятием александрийских детей в заложники²². Подобные действия привели к тому, что некоторые арабы впредь стали сторониться солдат европейской внешности и отказывались идти на контакт даже с британцами.

Ненависть населения Египта к захватчикам в немалой степени подогревалась их неуважением к религиозным традициям местных жителей. Профессор Кларк свидетельствует, что французы нередко оскверняли мечети, вынося из них древние артефакты, к которым местные жители относились с большим трепетом. Так, например, произошло в одной из мечетей Александрии, откуда французы вывезли богато украшенную массивную античную колонну²³.

Весьма болезненной темой являлись отношения французов с египетскими женщинами²⁴. Нередко оккупанты силой овладевали египтянками, убивали их или обращали в своих рабынь. Последние были настолько запуганы мужчинами европейской наружности, что некоторые из них даже пытались покончить с собой при появлении в городе англичан²⁵.

Некоторое число мусульманок и христианок сожительствавало с французскими солдатами, чаще всего принудительно. Для

²⁰ *Antes J.* Op. cit. P. 134.

²¹ *Renshaw R.* Op. cit. P. 101.

²² *Ibid.* P. 102.

²³ *Clarke E. D.* Op. cit. P. 202.

²⁴ Подробнее см.: Чудинов А. В. Солдаты Бонапарта и женщины Востока // ФЕ 2022. М., 2022. С. 63–97.

²⁵ *Clarke E. D.* Op. cit. P. 297.

многих из них это закончилось бедой: после изгнания оккупантов мусульмане приступили к кровавым расправам над женщинами, жившими с французами или вступившими с ними в брак²⁶. Кое-кто из этих несчастных, особенно христианки, просил англичан об убежище. Некоторые из них старались постоянно держаться подле европейских офицеров и солдат, понимая, что как только они останутся одни, их убьют соотечественники. Профессор Кларк принимал участие в оказании помощи беглянкам. В случае разоблачения подобного рода действия могли плохо закончиться не только для женщин, но и для их спасителей, не исключая англичан²⁷.

Впрочем, не только женщины, но и все жители египетских городов фактически стали заложниками французской армии. Кларк писал, что при подготовке к обороне Каира от англичан французы насильно загоняли на оборонительные работы и гарнизонную службу местных торговцев и ремесленников, которые, по мнению англичанина, оказались настолько запуганы, что были готовы бросить свой пост и бежать при первой возможности²⁸. Французы заставляли этих людей работать, как лошадей, на своих мельницах и таскать воду. Всех мужчин принуждали нести гарнизонную службу и брать в руки оружие под страхом тюремного заключения при отказе²⁹.

К концу осады Александрия переживала настоящую гуманитарную катастрофу. В городе практически не осталось еды, но генерал Мену продолжал увеличивать поборы с населения: в частности, он приказал конфисковать у горожан серебро, переплавить его в монеты и скупить всё продовольствие на нужды армии. Кларк писал: «Если бы капитуляция задержалась еще на две ночи, то семью каждого торговца обобрали бы до нитки, ибо каждые две недели войска взимали дополнительные поборы, а всё, кроме одежды, уже было конфисковано. Подсчитано, что из числа турок³⁰, оказавшихся запертыми тогда в городе, ежедневно погибало более сорока человек»³¹.

Практически во всех рассматриваемых источниках упоминается о радушном и уважительном отношении египтян к англичанам. Прежде всего оно связано с радостью от изгнания французов. Так, Кларк описывает ликование египтян после капитуляции каирского гарнизо-

²⁶ Ibid. P. 80.

²⁷ Ibid. P. 204.

²⁸ Clarke E. D. Op. cit. Pt. 1. P. 282.

²⁹ Ibid. Pt. 2. P. 242.

³⁰ «Турками» европейцы тогда нередко называли всё оседлое мусульманское население Египта, а кочевников-бедуинов именовали «арабами».

³¹ Clarke E. D. Op. cit. Pt. 2. P. 243.

на, совпавшей с ежегодным началом разлива Нила: «Местные жители предались сезонным празднованиям в честь изгнания французов, толпы веселились вдоль всех многочисленных каналов, наполненных нильской водой. Опасность могла исходить лишь от бурного веселья турецких солдат, паливших из своих карабинов во все стороны»³².

Вместе с тем это радушие отчасти было обусловлено и желанием подзаработать на менее агрессивных пришельцах. Интересное наблюдение на сей счет сделал стрелок Никол: «Они [египтяне – *A. H.*] выкрикивали “Tie b tie b Anglo! Français, Turk, soa, soa”, что, как мы поняли, означает “Хороший, хороший англичанин! А французы и турки одинаковые”. Но как только ты попросишь у них глоток воды они отдернут руку и попросят деньги. Если вы говорили, что денег нет, то слышали “воды нет” или “вы можете пойти к реке”»³³.

Наряду с радостью от прихода англичан, их союзники турки и местные жители выражали явное недовольство условиями капитуляции французской армии. Казалось, что у них складывалось впечатление о безнаказанности неверных и скрытом сговоре одних европейцев с другими. А на вопрос англичан о том, как им следовало поступить со сдавшимися французами, следовал решительный ответ: отрубить головы или раздеть догола и отправить в пустыню³⁴. Англичане поражались той ненависти, которую испытывали некоторые арабы к французам, но прекрасно понимали, чем было вызвано такое отношение³⁵.

По наблюдениям англичан, феллахи и бедуины были гораздо более враждебно настроены к иноземцам, чем жители городов. Морье отмечал особую жестокость сельских жителей по отношению к попавшим в плен французским солдатам. Так, например, по требованию крестьян из окрестностей Даманхура их шейх отдал приказ о казни 80 пленников, которые были захвачены во время восстания³⁶. Подобные случаи происходили и в Файюме, где местный шейх приказал убить раненых и сжечь французский госпиталь³⁷. Деревенские жители просто пылали ненавистью к солдатам Восточной армии.

Впрочем, были среди египтян и те, кто соперничал французам, но Морье это объясняет не столько симпатией местных жи-

³² Ibid. P. 76.

³³ Nickol D. Op. cit. P. 60.

³⁴ Clarke E. D. Ibid. P. 299.

³⁵ The Diary of Sir John Moore. P. 57.

³⁶ Morier J. P. Op. cit. P. 56.

³⁷ Ibid. P. 62.

телей к оккупантам, сколько разочарованием от прихода турецких солдат, творивших бесчинства³⁸. Мур писал, что территории, подконтрольные англичанам, можно было назвать единственным спокойным местом в Египте, а все местечки с турецкими гарнизонами были начисто разграблены³⁹. Кроме того, те относительно немногие, кто жалел об уходе французов, ранее получали ощутимую выгоду от сотрудничества с ними. К таковым Морье относил бедуинов Суэца, отвечавших за перевозки людей и грузов, и шейхов Аравии, зависевших от поставок египетского зерна⁴⁰.

В отношении же османов все английские авторы солидарны: они ненавидели французов и обращались с ними невероятно жестоко. Более того, угроза нависла над всеми мужчинами, внешне напоминавшими французов. Безопасность им невозможно было гарантировать даже в местах проживания британских офицеров и дипломатов: «Молодой человек, который жил с нами в одном доме, был ранен мушкетной пулей в день нашего приезда. Он разглядывал с террасы стоявших внизу турок, когда один из них достал ружье и выстрелил в него. Единственным для них оправданием было то, что они приняли его за француза. Таким же образом они задушили христианина в одной из общественных бань, позже принесся извинения за совершенный ими поступок. И хотя тогда в городе находился гарнизон наших войск, было небезопасно появляться в одиночестве на публике»⁴¹.

* * *

Как видим, восприятие англичанами своих противников-французов и союзников – османов и египтян носило отчасти парадоксальный характер. Отчаянно сражаясь на поле боя с французской армией, англичане не испытывали никакой личной ненависти к солдатам и офицерам противника. После капитуляции те и вовсе перестают выглядеть врагами, превратившись в обыкновенных, уставших от войны людей, которые, как и сами англичане, мечтают о том, чтобы скорее вернуться домой живыми и невредимыми. Союзники же – турки и арабы, напротив, представлялись им существами чрезвычайно опасными – жестокими, корыстными, лицемерными. В результате, извечный и привычный враг-

³⁸ Ibid. P. 52.

³⁹ The Diary of Sir John Moore. P. 52.

⁴⁰ Morier J. P. Op. cit. P. 64.

⁴¹ Clarke E. D. Op. cit. Pt. 2. P. 80.

европеец оказался для англичан гораздо ближе и по-человечески понятнее, чем временные союзники с Востока, совершенно отличные по своему поведению, порядкам и внешнему виду. В данном отношении англичане мало чем отличались от тех же французов, видевших в людях Востока лишь «нецивилизованных дикарей», которых следует, пусть и с опаской, но сугубо инструментально использовать для осуществления своих целей и амбиций.

REFERENCES

- Чудинов А. В.* Солдаты Бонапарта и женщины Востока // Французский ежегодник 2022: Французы за пределами Франции. М., 2022. С. 63–97 [Tchoudinov A. V. Soldaty Bonaparta i zhenshchiny Vostoka // Frantsuzskii ezhegodnik 2022: Frantsuzy za predelami Frantsii. Moscow, 2022. S. 63–97].
- Antes J.* Observations on the manners and customs of the Egyptians, the overflowing the Nile and its effects; with remarks on the plague and other subjects. London, 1800.
- Clarke E. D.* Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. London, 1812–1816. Vol. 2. Pt. 1–2.
- The Diary of Sir John Moore / Ed. by Sir F. Maurice. London, 1904. Vol. 2.
- Morier J. P.* Memoir of a campaign with the Ottoman army in Egypt from February to July 1800. London, 1801.
- Nickol D.* With Abercromby and Moore in Egypt / Ed. by MacKenzie MacBride. London, 1911.
- Renshaw R.* Voyage to the Cape of Good Hope, The Indian Ocean, and up the Red Sea, with travels into Egypt. Manchester, 1821.
- Tchoudinov A.* The Egyptian Campaign and the Middle East // The Cambridge History of the Napoleonic Wars. Cambridge, 2023. Vol. 2. P. 607–626.
- Walsh T.* Journal of the Late Campaign in Egypt. London, 1803.

Неменов Андрей Александрович
младший научный сотрудник,
Государственный академический
университет гуманитарных наук
119049, Москва,
Мароновский переулок, 26
аспирант,
Институт всеобщей истории РАН
119334, Москва, Ленинский пр-т, 32а
e-mail: and.nemenov@gmail.com

Andrei Nemenov
junior researcher
State Academic University for the Humanities
26 Maronovskiy pereulok 119049, Moscow
graduate student, Institute of World History
of the Russian Academy of Sciences
32a, Leninski Ave., 119334, Moscow
e-mail: and.nemenov@gmail.com
ORCID: 0000-0002-8431-5944